

Д.Н. Часовитин

Начало диалога...

Конференция продемонстрировала различные точки зрения на реформу музыкального образования в России в свете Болонского процесса, а также выявила существующее многообразие систем музыкального образования в странах Европы. Исторически в Европе и России сложились разные по содержанию, структуре и продолжительности обучения системы музыкального образования. Это привело к острой дискуссии между приверженцами европейской системы (в рамках Болонского процесса) и сторонниками традиционной для России и ряда других стран системы музыкального образования. Участникам конференции удалось сблизить свои позиции по ряду вопросов, в частности по необходимости вхождения в Болонский процесс, по принятию системы зачетных единиц (ESCT), международного Приложения к диплому, по созданию системы контроля над качеством образования. Самым сложным оказался **вопрос о соотношении двухуровневой системы**, существующей в Болонском процессе, и российской **трехступенчатой**: школа, училище, вуз. Все это нашло отражение в выступлениях участников.

Доклады можно разделить на две большие группы: доклады, обосновывающие закономерности Болонского процесса и вхождение в него европейских вузов и доклады, защищающие национальные системы музыкального образования, содержащие замечания и критику потенциальных изменений в образовании, связанных с вхождением в Болонский процесс.

Так, в США, Великобритании, Нидерландах двухуровневая система (бакалавр – магистр) сложилась уже давно, поэтому вузы этих стран не испытывают никаких потрясений при вхождении в Болонский процесс. Иное дело – Германия, Франция, Польша. В этих государствах высшее музыкальное образование было пятилетним, с выдачей одного диплома о высшем образовании и для них переход на двухуровневую систему происходил и происходит достаточно болезненно.

Нет единства и среди соседей России: в Литве двухуровневая система давно и успешно действует, в Эстонии – отдают предпочтение пятилетнему непрерывному образованию.

В конечном счете, основной вопрос для всех европейских, российских вузов как, впрочем, и для участников конференции, сводился к одному: **как адаптировать свою систему музыкального образования** (ее параметры, критерии, формы) **к требованиям Болонского процесса**.

В результате обсуждения участники конференции сблизили свои позиции по ряду принципиальных вопросов Болонского процесса, которые не повлияют на содержание и структуру образования в стране. Это вопросы:

- системы зачетных единиц (ECTS)
- международного приложения к диплому
- системы контроля над качеством образования.

Самым сложным оказался вопрос двухуровневой системы высшего образования (бакалавр-магистр). Действительно, наша трехступенчатая система музыкального образования (школа – училище – вуз) входит в противоречие с предлагаемой Болонским процессом «двухуровневой». Происходит это, прежде всего, по причине разницы в стартовых позициях: у нас профессиональное обучение начинается с 5 – 7 летнего возраста, профессиональное образование носит системный, непрерывный характер (от школы через училище в консерваторию и далее – в исполнительскую аспирантуру – в совокупности 18 лет).

Профессиональное музыкальное образование на Западе, как правило, начинается поздно – при поступлении в вуз, до этого оно носит частный характер (исключение составляют редкие школы для одаренных детей, в частности в США, Великобритании, и т. д.). 18 лет нашего непрерывного образования дают соответственно иное качество подготовки студентов.

Существуют различия и в концепции функционирования и компетентности выпускника вуза: при двухуровневой системе бакалавр – это практически ориентированный специалист, готовый сразу после вуза приступить к работе и вполне компетентный сделать это качественно. Магистр же – это научно, педагогически ориентированный выпускник, нацеленный на научно-исследовательскую деятельность, преподавание в высшей школе и т. п. В нашей системе выпускник-музыкант – и практик (готовый для работы в школе, училище, оркестре, хоре), и потенциальный теоретик, педагог-ученый (аспирант, диссертант, преподаватель вуза). Различие в подходе к этим двум функциям у нас отсутствует. На Западе больше внимания уделяется подготовке ансамблистов, артистов оркестра, учителей музыки, у нас – акцент делается на подготовке солистов и концертмейстеров.

Кстати об учителях музыки. В этой сфере в нашей стране происходит нечто невообразимое! В общеобразовательных школах из учебных планов постепенно вытесняются предметы сферы искусства (музыка, рисование), сохраняющиеся исключительно в младших классах. В старших они заменяются другими дисциплинами (техническими, информационными). И это в то время, когда в США, Южной Корее речь идет о «музыкализации» нации. «Музыка делает человека чище, лучше, справедливее», – вспоминается здесь мудрое высказывание Л.В. Николаева.

Вернемся к парадоксу России. Из школ уходят музыкальные предметы, а вузы – педагогические, в частности, продолжают и собираются готовить по-прежнему учителей музыки. Но проблему надо срочно решать! И на государственном уровне! Нельзя изъять музыку из школьного возраста! Об этом и говорил на конференции представитель университета из штата Массачусетс Николас Тобин. И решать этот вопрос надо совместно с Министерством труда и Министерством образования.

Другой острый вопрос, проявившийся на конференции и волнующий нас: **исполнительская аспирантура** (или, как ее называют, аспирантура по творческо-исполнительским специальностям). Проблема – в ее нелегитимности на сегодняшний день: научная аспирантура существует, там аспирант учится три года и защищает диссертацию, а исполнительская аспирантура не существует, ибо она не внесена в Закон об образовании. **Диплома государственного образца об окончании исполнительской аспирантуры не существует.** Но без нее невозможно готовить педагогические кадры для нашей системы образования. Сегодня очень остро стоит вопрос о статусе наших аспирантов-исполнителей.

На конференции прозвучало предложение о следующем статусе исполнителя-аспиранта: доктор исполнительского искусства – как на Западе. В Велико-

британии, например, учащийся может получить степень доктора исполнительского искусства (Doctor of Arts), близкую степени PhD, в случае прохождения обучения в соответствующем вузе и выполнения определенных требований, таких, как 4–6 сольных программ, записанных на CD, развернутой теоретической письменной работы по этим программам и т. п. Думается, это могло бы иметь место и в нашей системе с учетом существующего законодательства в этой области. Но и тогда остается проблема соотношения: магистр – аспирант (кандидат искусствоведения). Должна ли подобная исполнительская докторантура заменить аспирантуру для исполнителей (соответствовать научной аспирантуре), или она должна соответствовать более высокому уровню? Вопрос пока остается без ответа. Но это вопрос будущего. **А на сегодняшний день нам надо легализовать нашу исполнительскую аспирантуру.**

На конференции были достаточно интересными выступления иностранных участников, обзор которых не может поместиться в рамках одной статьи. В заключение следует отметить, что данная **конференция действительно стала первым шагом** к диалогу между системами музыкального образования России, Белоруссии, Украины с одной стороны и стран Европы с другой; первым шагом к диалогу, необходимому в связи с меняющимися социально-культурными условиями и государственными приоритетами в области образования; **к диалогу, ведущему к созданию Единого Образовательного Пространства, путь к которому лежит через вхождение в Болонский процесс.**

Участники конференции приняли резолюцию (ее фрагменты прилагаются), в которой нашли отражение доклады, дискуссии и предложения, прозвучавшие на

РЕЗОЛЮЦИЯ (фрагменты)

I

Участники конференции, ознакомившись с докладами Ректоров консерваторий и музыкальных академий России, стран Европы, Америки и Азии по состоянию высшего музыкального образования, отмечают чрезвычайную важность и полезность обмена мнениями ведущих специалистов в данной области по насущным вопросам, представляющим огромный интерес в связи с проводимыми во многих странах реформами в соответствии с принципами Болонской декларации.

Подписав Болонскую декларацию, Россия приняла на себя определенные обязательства. Современная образовательная политика России отражает новые социокультурные условия и государственные приоритеты в сфере высшего образования, требующие внимательного анализа исторической практики и современных тенденций развития.

Качество профессиональной подготовки выпускников российских вузов искусств сегодня практически признается за рубежом соответствующим уровню магистратуры. Этот очевидный факт объективно отражает уровень российского музыкального образования, а также уровень существующих в нашей стране образовательных стандартов в области искусства, в полной мере отвечающих требованиям соответствующих магистерских программ в европейских (и не только) вузах и на факультетах искусств. В связи с этим совершенно обоснованным могло бы стать решение о вхождении российской системы музыкального образования в Болонский процесс с моделью **интегрированной непрерывной программы подготовки магистров (5 лет)** предусматриваемой Болонской Декларацией.